

Дмитрий Стратиевский

Милитаризм в России:

От порицания к одобрению

Выходные данные

Издатель:

Friedrich-Ebert-Stiftung e.V. (FES)
Годесбергер Але 149
53175 Бонн
Германия
www.russia.fes.de
info@fes-russia.org

Ответственный за издание:

Отдел международного сотрудничества, Российская программа
Фонда им. Фридриха Эберта

Ответственный за содержание и редакцию:

Алексей Юсупов

Мнения, выраженные в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда им. Фридриха Эберта. Коммерческое использование материалов, опубликованных Фондом, не допускается без его письменного согласия. Публикации FES также не могут быть использованы в целях предвыборных кампаний.

декабрь 2024

© Friedrich-Ebert-Stiftung e.V.

Другие публикации Фонда им. Фридриха Эберта
вы можете найти здесь:

➔ www.fes.de/publikationen

Дмитрий Стратиевский

Декабрь 2024

Милитаризм в России:

От порицания к одобрению

Содержание

СССР: «Мы за мир, нам война не нужна!»	5
Новая Россия за мир	6
Путинский «поворот»	7
«Можем повторить»	8
Выход из тупика?	9
Список источников	11

Милитаризм в России:

от порицания к одобрению

«Лишь бы не было войны». Эта распространенная фраза, приписываемая собирательному образу представителей старшего поколения в позднем СССР, превратилась в своеобразный мем в русскоязычном пространстве, одновременно характеризующий войну как самое страшное и недопустимое, и отрицающий милитаризм в обществе.

«Борьба за мир во всем мире» являлась в Советском Союзе одним из основных идеологических штампов. В путинской России предпринимается немало попыток реставрации советского наследия и «величия» СССР на международной арене. Однако милитаризм в виде провоенных настроений и ставки на военную мощь постепенно стал в РФ не только приемлемым, но и одобряемым, поощряемым правящей элитой и, в конечном итоге, «единственно правильной» формой поведения «патриотического россиянина».

Как Россия прошла путь от «миру мир» до «можем повторить» и какую роль играет милитаризм в современном российском обществе?

СССР: «Мы за мир, нам война не нужна!»

Строчка из популярного в брежневском СССР детского стихотворения являлась простой трактовкой одного из краеугольных камней позднесоветской идеологической модели. На практике советское руководство позволяло себе «отступления» от активно пропагандируемого тезиса о «мирном сосуществовании двух систем», финансируя коммунистические партии и антизападные повстанческие движения во всем мире, проводя политику экспансии, а также инвестируя значительный процент ВВП в военно-промышленный комплекс. Однако, от собственных граждан эти факты тщательно скрывались.

К 1970-м годам сформировалась стабильная идеологическая конструкция «мир превыше всего»

для внутреннего потребления и для потенциальных сочувствующих СССР за рубежом, которая складывалась из нескольких основных компонентов.

Во-первых, милитаризм однозначно осуждался как «буржуазное» явление, противоречащее советскому государству и советскому образу жизни, и свойственное исключительно несоциалистическому зарубежью. Третье издание Большой Советской энциклопедии, выпущенное с 1969 по 1978 годы, неоднократно фиксировало внимание читателя на его негативной коннотации. Деятели мирового коммунистического и рабочего движения характеризовались как «борцы против милитаризма и империализма».

«Антимилитаристское движение» представлялось как прогрессивное и дружественное СССР, а милитаризм упоминался в одном контексте с силами, которые воевали против советского государства, такими как «японские милитаристы» 1930-1940-х годов или «милитаристы-интервенты» периода Гражданской войны.

Во-вторых, мир и борьба за мир стали смыслом государственности СССР, его духовным стержнем. В учебнике «История КПСС» 1976 года издания слово «мир» в значении мирного сосуществования упоминалось не менее 200 раз. Приоритет мира укрепляли при помощи многочисленных плакатов и других агитационных материалов, на мероприятиях – от собраний на производстве до школьных «линеек». Тиражировались цитаты Леонида Брежнева, в частности, из его выступления на 26 съезде КПСС: «Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира – вот путеводная нить в завтрашний день».

В-третьих, ставка на войну подавалась как свойство Запада, например, «американских империалистов» и «западногерманских реваншистов-милитаристов». Военный потенциал СССР имел в пропаганде исключительно оборонный характер. Тщательно прививалась мысль, что Москва была бы готова применить

силу только в случае экзистенциальной угрозы ее национальным интересам. Ядерное оружие ассоциировалось с тотальным уничтожением человечества, и существовало табу на вербальные угрозы его применения.

Наконец, в концепции коммунистических идеологов СССР являлся не только гарантом мира, но и ключевым инициатором мирных инициатив. Москва на словах придерживалась политики разрядки, в то время как Вашингтону и его союзникам уделялась роль милитаристов, наращивавших военное присутствие в Европе и других регионах планеты, тем самым повышая вероятность крупного конфликта.

Одним из практических проявлений этого курса было настороженное отношение партийно-государственной элиты к военным служащим. Во всей вертикали вооруженных сил СССР существовали институты партийного контроля. В Политбюро фактически был только один высокопоставленный офицер, имевший реальное влияние на принятие государственных решений – министр обороны Дмитрий Устинов. Остальные несколько десятков генералов и маршалов, номинально входивших в ЦК КПСС в связи с высокой должностью, подлинной властью не обладали. КГБ СССР было принято регулярно «разбавлять» партийными и комсомольскими функционерами, которые фактически служили противовесом кадровым сотрудникам спецслужбы в аппаратных играх.

Горбачевская перестройка ознаменовала собой коренные изменения во внутренней и внешней политике СССР. Начался практически полный отказ от практик и установок брежневского периода, именовавшегося «застоем» и подвергавшегося критике. Однако приоритет мира и отказ от милитаризма остался, пожалуй, одним из немногих элементов, заимствованных из прошлого.

Еще не будучи Генсеком, Михаил Горбачев в своем выступлении перед британским парламентом в 1984 году так оценил последние мирные инициативы: «Победил разум, понимание, что война – негодный, неприемлемый метод решения спорных проблем, что в ядерной войне, так же как и в гонке вооружений, в конфронтации, победить нельзя. Стало очевидным, что «холодная война» – это ненормальное состояние отношений, постоянно несущее в себе военную угрозу». Два года спустя, на первом же для него съезде в роли партийного и государственного лидера, Горбачев обозначил «магистральные направления» для КПСС на данный период: «борьба против ядерной

опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира». Позднее руководство страны представило концепцию «общевропейского дома» – антонима милитаризму и логичной производной мирного сосуществования государств с различными системами, которая включала деидеологизацию внешней политики, свободу выбора и самоопределения наций.

Новая Россия за мир

После распада СССР и образования независимого российского государства президент РФ Борис Ельцин пошел аналогичным путем, что и его антагонист Горбачев. Избавление от советского наследия, ликвидация прежних структур, коренное изменение общественно-политической системы и модели взаимоотношений в стране не означали для него отказ от «политики мира».

Во-первых, Россия старалась сформировать новый, привлекательный образ демократического немилитаристского государства, открытого зарубежным инвестициям. Во-вторых, закончилась холодная война, а с ней и непосредственные угрозы. Это зафиксировала символическая российско-американская декларация, подписанная 1 февраля 1992 года. В СМИ было распространено устойчивое выражение о «новой эре в отношениях между Россией и США». Милитаризм более не имел никакого практического обоснования. В-третьих, государство не могло позволить себе ВПК, сопоставимый с советским. В условиях кризиса ставка на мирное урегулирование и отрицание военизации общества становились не просто идеологизированной формой речи, а насущной необходимостью.

Хотя в ельцинский период не удалось создать этаблированную институциональную демократию, всё же был демонтирован один из основных инструментов, свойственных авторитаризму – государственная пропаганда. По этой причине в общественном пространстве перестали фигурировать призывы к «миру» и отрицание милитаризма в качестве идеологических меседжей, однако это оставалось сутью политического курса страны. Ельцин позиционировал себя в качестве «гражданского президента» и, имея звание полковника еще со времен партийной работы в Свердловске, никогда не появлялся в военной форме, равно как и не получил более высокого воинского звания, соответствовавшего бы его статусу Верховного Главнокомандующего. В ближайшем окру-

жени Ельцина были военные (Павел Грачев) и представители спецслужб (Александр Коржаков, Михаил Барсуков, Николай Ковалев), харизматичные генералы становились его политическими партнерами (Александр Лебедь), однако первый президент РФ не допускал формирования милитократии во властных структурах. По подсчетам Владимира Согрина, доля военных в них составляла при Ельцине 6,7% в целом. Престиж военной службы был низок. Даже после начала Первой Чеченской войны в декабре 1994 года Кремль не прибегал к стратегии форсированной милитаризации общества.

Путинский «поворот»

Получив власть по согласованию элит на волне острой общественной реакции на серию терактов в России и возобновление военных действий в южных регионах страны, Владимир Путин изначально позиционировал себя в качестве антипода Ельцину. Вместо «гражданского президента» появился «президент-военный», посещающий расположение российских солдат, летающий на истребителе и погружающийся на подводной лодке.

Начиная с медийной картинки, в российском обществе с 2000-х годов всеми средствами закреплялась простая формула: любая проблема государственного уровня, будь то борьба с терроризмом, сохранение территориальной целостности страны, создание новой властной вертикали или протестное движение, наиболее эффективно решается силовыми методами. В своем обращении в 2004 году короткой фразой «Мы проявили слабость, а слабых бьют» Путин охарактеризовал новую государственную доктрину приоритета силы.

Даже, казалось бы, гражданские административные реформы имели военную подоплеку. Еще в начале первого путинского срока в России были созданы новые территориальные единицы, первые семь федеральных округов, возглавляемых полномочными представителями президента. Их границы почти полностью соответствовали военным округам. Путин сделал ставку на «силовиков» и в своем ближайшем окружении. Уже в 2002 году их доля во властных структурах достигла, согласно Согрину, 26,6%, то есть в четыре раза выше, чем в совсем недавнем ельцинском периоде. В последующие годы процент «людей в погонах» в государственном управлении

РФ достиг 31,5%, а в высшем руководстве рекордные 66,7%.

Практически сразу после прихода в Кремль новой администрации значительное внимание стало уделяться милитаризации молодежи.

В 2000 году была создана прокремлевская организация «Идущие вместе». В 2005 году за ней последовала «Наши», ремейк основанной еще в 1991 году полувоенной организации Александра Невзорова. Не только ее структура с военизированной иерархией, но и само название отражало суть времени, черно-белое деление на «наших» и «не-наших», свойственное милитаристским авторитарным общественным моделям. Движение использовалось как в качестве инструмента поддержки Путина, так и для борьбы с инакомыслием, в результате чего появилось слово «нашисты» с понятными историческими параллелями. Важным проектом движения стала «Наша армия», позволявшая комиссарам «Наших» находиться непосредственно в воинских частях и разными методами, включая онлайн-блоги, повышать привлекательность Вооруженных сил. Со временем эти и другие аналогичные движения, например, «Россия молодая», были ликвидированы ввиду низкой эффективности. В современной РФ доминируют три проправительственных молодежных движения, финансируемые из госбюджета: полувоенные «Молодая гвардия» и молодежная организация Общероссийского народного фронта, а также полностью милитаризованная «Юнармия», созданная Минобороны РФ. Однако необходимо отметить, что путинской команде так и не удалось создать по-настоящему массовое милитаристское молодежное движение, сопоставимое с Комсомолом. В период своего расцвета в «Идущие вместе» входило около 50.000 человек. Цель довести численность организации до 250.000 участников, озвученная лидерами «Наших», так и не была осуществлена. И в последующие путинские сроки в России продолжала ощущаться ностальгия по молодежным организациям СССР. Согласно опросам, в 2018 году 34% россиян однозначно поддержали бы возрождение Комсомола, 46% скорее поддержали бы. В 2021 году количество сторонников структуры наподобие ВЛКСМ составило, соответственно, до 37% и 42%.

Но милитаризация молодежи в сочетании со стимулированием политической апатии принесла свои плоды. Более успешным проектом для Кремля стала милитаризация среднего образования.

Наряду с изменением парадигмы учебников истории, безусловным приоритетом военных побед как «вершины могущества» России, в школьной программе

стала появляться (вначале как элемент урока, а позднее, в виде «Разговоров о важном», как самостоятельный «предмет») целая линейка милитаристских нарративов. Краеугольным камнем новой концепции стало традиционное для авторитарных и тоталитарных государств отождествление понятий «родина» и «отечество» с понятием «государство», а позднее и вовсе с правящим режимом. Параллельно с этим процессом из репертуара детсадовских утренников и школьных праздников почти бесследно исчезли привычные «советские» детские стихи о мире, с осуждением вооружённых конфликтов.

«Можем повторить»

Вопреки распространённому мнению, ставший мемом слоган «можем повторить» появился отнюдь не после начала полномасштабной войны России против Украины в 2022 году, и даже не после аннексии Крыма в 2014-м. Впервые стикеры с этим лозунгом, адаптированным вариантом одной из надписей на стене Рейхстага, оставленной советским солдатом после взятия Берлина в мае 1945 года, были замечены 9 мая 2012 года. И это не случайно. Годом позднее, в декабре 2013 года, был создан медиахолдинг «Россия сегодня» с принципиально иной парадигмой теле- и радиовещания, а со временем и контента в интернете. Милитаризм играл в ней немалую роль.

В 2022 году российский милитаризм пережил очередную трансформацию.

Если ранее «разговоры о мире» формально еще звучали из уст российских топ-политиков, в то время как на неформальном уровне «мирное сосуществование» уже табуировалось в обществе и воспринималось как слабость и политика уступок, то после начала широкомасштабного вторжения РФ в Украину ставка на силу стала единственной одобряемой формой поведения, а «борьба за мир» подверглась криминализации.

Уже в марте Александр Дугин выпустил в РИА Новости программную статью «России нужна тотальная милитаризация» с требованием самого широкого применения этого инструмента, включая культуру, массовое сознание и бытовые условия россиян. Статья Дугина не встретила возражений в других проправительственных СМИ, разве что прозвучал аргумент о возможном негативном влиянии тотальной милитаризации на демографию.

Относительно новым феноменом для современной России стало явление, которое можно назвать «церковным милитаризмом».

Российская православная церковь (РПЦ) уже в 1990-е годы стала важным институтом в РФ, если не государственно-образующим, то поддерживающим государство и не вступающим с ним в полемику. Уже в 1995 году был создан специальный Синодальный отдел по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами. На тот момент, однако, это решение можно было объяснить желанием церкви проникнуть в закрытые и ранее ей недоступные структуры, в которых, в контексте общего роста религиозности в России, также появилась ее паства. Отчасти тем же допустимо обосновать появление института военных капелланов, особенно в связи с удалением из вооружённых сил армейских политработников и отсутствием на тот момент их аналогов в армии. При Путине РПЦ все сильнее становилась ретранслятором кремлевских нарративов, как поддерживая авторитарный курс Кремля, так и предоставляя институциональное покровительство различным парамилитарным формированиям, например, казачьему движению. Но до 2022 года церковь в лице ее высшего руководства избегала позиционирования в вопросе применения государством военной силы, будь то война в Грузии, Сирии или оккупация Крыма.

С началом военных действий российской армии по всей территории Украины РПЦ стала высказываться о происходящем, применяя идеологические клише Кремля («один народ», «поддержка Донбасса»), антизападная риторика и гомофобия), при этом не восхваляя открыто применение военной силы. Однако уже в марте-апреле 2022 года РПЦ, причем устами патриарха Кирилла, открыто поддержала милитаризм Москвы, охарактеризовала российских солдат как «защитников отечества», одобрила применение насилия и приняла участие в демонизации Украины в российском общественном сознании.

Но, в целом, уже к моменту аннексии Крыма в России фактически сформировалась нынешняя милитаристская модель, которая лишь укрепилась (но не изменилась кардинально) с началом полноценного вступления РФ в крупную войну. Она обусловлена следующими семью основными элементами и пропагандистскими месседжами:

1. Принцип мирного сосуществования с Западом потерпел крах. Этот тезис в тех или иных вариациях повторяют высшие должностные лица РФ, начиная с Путина. Виновным в российском милитаризме представляются именно демократические государства «коллективного Запада», а сам милитаристский курс подается в качестве «неизбежной реакции» на геополитические вызовы.
2. Военная мощь - основа российской государственности и ее единственная защита. Без применения военной силы государственность находится под угрозой, а российские национальные интересы за рубежом будут подвергаться ущемлению.
3. Милитаризм как продолжение Realpolitik. Кремль не видит в милитаризме уникальное и предосудительное явление, транслируя его в качестве «привычного» внутри- и внешнеполитического инструмента и апеллируя, как правило, к опыту США.
4. Милитаризм как фундаментальная составляющая традиционализма. Кремль нередко прибегает к экскурсам в историю (реальную, «подкорректированную» или полностью вымышленную), демонстрируя, что «сила России» всегда была связана с ее боеготовностью и военной мощью. Андрей Цыганков пишет о «жертвенности» и «служении» как прививаемых обществу «добродетелей» с одной стороны, и якобы «исторически доказанной эффективности» милитаристской модели с другой. А Федор Крашенинников характеризует эту параллель как «казарменный идеал».
5. Примат коллективного над индивидуальным, ценности «государственных интересов» над отдельно взятой человеческой жизнью. Этот тезис пропагандируется в качестве антипода «западному, либеральному подходу», основанному на ценности каждой жизни; такой подход высмеивается и используется как «аргумент» в пользу преимущества российского пути развития над демократическим западным.
6. «Безальтернативность» милитаризма в нынешних условиях. Дмитрий Цыбаков говорит о «фетишизации вооруженного насилия» и превращении его в «приоритетный фактор» в политике, экономике и социальной сфере в границах государства и за их пределами.
7. Криминализация антимилитаризма, черно-белое восприятие реальности. Милитарист отождествляется с патриотом, добропорядочным

россиянином, готовым стать на защиту родины и не «раскачивать лодку в сложные времена», критикуя действия власти. Антимилитаризм фактически ассоциируется с изменой, национал-предательством, пренебрежением интересами России и пособничеством ее противникам.

Выход из тупика?

Милитаризм нередко связывают лишь с ростом военных расходов и роли армии в государстве. На практике это более глубокое явление с тяжелыми последствиями. Милитаризм способствует напряженности в обществе, росту преступности, созданию у значительной части граждан ложных приоритетов, мешает экономическому развитию и, в итоге, укрепляет авторитаризм, ибо любая военизированная структура антидемократична по своей сути. Она предусматривает четкую иерархию, минимум горизонтальных связей, безоговорочное исполнение приказов и указаний и нужную авторитарному лидеру консолидацию.

Такая система – антипод плюрализму мнений, разнообразию подходов и свободной конкуренции различных концепций. Если она становится частью государственного управления или даже ее синонимом, то неизбежно антидемократичным будет и само государство. Милитаризм помогает отвлечь внимание от проблем в экономике, политических ошибок руководства, коррупции и неэффективного управления. Поэтому милитаризм столь ценен для путинизма.

Отказ от милитаризма в качестве одного из столпов государственного курса невозможен без масштабной демократизации власти и всего общества.

И в демократиях военные возможности государства играют не последнюю роль в качестве аргумента на международной арене и сигнала собственному населению. Например, США имеют самый крупный на планете оборонный бюджет и обладают огромной сетью из почти 5.000 военных баз по всему миру. В стране сохраняется престиж воинской службы

и уважение к гражданину в форме. И демократии прибегают к военным инструментам для решения того или иного конфликта либо для защиты своих национальных интересов, в том числе и без одобрения международных институций. Однако в демократических государствах существуют укоренившиеся механизмы, помогающие сдерживать военных и ограничивать политиков, делающих ставку на демонстрацию силы или ее применение. Это рычаги парламентского контроля, приоритет дипломатии, закрепленный в основополагающих внешнеполитических документах, сильное антивоенное движение внутри гражданского общества, сеть НКО и других объединений граждан, свободные СМИ, возможность открыто выразить свое несогласие с правительственным курсом. В авторитарных и диктаторских моделях, напротив, не существует противовеса милитаризму, либо он крайне слаб. По этим причинам милитаризм будет и в дальнейшем оставаться неизбежным спутником путинизма.

Список источников

Большая Советская энциклопедия, третье издание, Москва, 1969–1978

История Коммунистической партии Советского Союза, учебник для ВУЗов под редакцией Бориса Пономарева, Москва, 1976

Материалы 26 съезда КПСС, Москва, 1981

Михаил Горбачев, выступление перед членами парламента Великобритании, 18.12.1984

Материалы 27 съезда КПСС, Москва, 1986

Владимир Согрин, 1985–2005: три превращения современной России. «Отечественная история», № 3/2005

Владимир Согрин, Российский политический процесс, «Общественные науки и современность», № 1/2009

Дмитрий Цыбаков, Милитаризация общественных отношений: политическая природа, традиционные и современные формы, Орел, 2007

Федор Крашенинников, Милитаризм как решение всех российских проблем, Deutsche Welle, 21.03.2019

Андрей Цыганков, Пути русского милитаризма, «Россия в глобальной политике», № 5/2024

Об авторе

Дмитрий Стратиевский, PhD, политолог и историк (FU Berlin), директор Берлинского Центра изучения Восточной Европы (Osteuropa-Zentrum Berlin e.V.). Автор ряда научных и публицистических работ, выставок и проектов по изучению истории и современности постсоветских государств, а также внутренней политики Германии.

stratievski@gmx.de

Милитаризм в России: от порицания к одобрению

- В путинской России предпринимается немало попыток реставрации советского наследия. Но милитаризм, отрицавшийся пропагандой в СССР, стал в РФ одобряемым, стимулируемым правящей элитой и, в итоге, «единственно правильной» формой поведения «патриотичного россиянина».
- Милитаризм нередко связывают лишь с ростом военных расходов и роли армии в государстве. На практике это более глубокое явление с тяжелыми последствиями.
- Начиная с медийной картинки, в российском обществе с 2000-х годов всеми средствами закреплялась простая формула: любая проблема государственного уровня, будь то борьба с терроризмом, сохранение территориальной целостности страны, создание новой властной вертикали или протестное движение, наиболее эффективно решается силовыми методами.

Больше информации по ссылке:

➔ fes.de